

Накануне он заставил Бабушку лечь на живот, но она не соглашалась, за что он её и проучил. Пиньэр не смела перечить ему в таком деле.

Ей оставалось лишь сбросить туфли, забраться на кровать и лечь в объятия Цзя Чжипо.

После стольких хлопот удалось наконец скопить кое-какие сбережения. Пора было поднимать вопрос о сдаче экзаменов. Он изначально собирался попросить Второго дядю помочь подыскать учителя, но из-за поднявшейся шумихи отношения со Вторым домом испортились преждевременно.

Выслушав его, Пиньэр нахмурилась. Дело действительно предстояло сложное.

Заметив её озабоченный вид, Цзя Чжипо лишь рассмеялся:

— Твой господин вовсе не зовёт тебя хмуриться вместе со мной. Если я не могу справиться с такой мелочью, чего тогда стоят мои слова? Стоило ли тогда возвращаться, чтобы сидеть сычом во Внутреннем дворе вместе с Баоюем?

Пиньэр бросила на него укоризненный взгляд, в её прекрасных глазах читался лёгкий упрёк, но она всё же произнесла:

— Может, господину обратиться к Старшему господину? Он ведь родной отец, должен же заняться этим делом.

Услышав это, Цзя Чжипо криво усмехнулся.

Когда он только читал оригинал, то думал лишь о том, что чета Цзя Чжипо жила на средства Второго дома и не ладила с родным отцом, находил это странным. Кто бы мог подумать, сколько всего скрывается между ним и Цзя Шэ. Цзя Шэ был готов сжить его со свету, и если бы не то обстоятельство, что он оставался единственной плотью и кровью покойной госпожи, тот даже титул предпочёл бы передать Цзя Цунгу.

Хотя за последние годы стало чуть лучше, стоило Цзя Шэ увидеть его, как он непременно принимался бранить или даже бить юношу. Уповать на то, что тот станет помогать с его делами? Ха, Цзя Чжипо даже не питал на этот счёт никаких надежд.

Раз уж на Цзя Шэ рассчитывать не приходилось, оставался Цзя Чжэн. Но в этот раз, в пылу гнева, они кровно обидели Второй дом. Цзя Чжипо прекрасно понимал: нужно действовать быстрее.

— И что же Второй господин намерен предпринять?

Цзя Чжипо лишь слегка улынулся и ничего не ответил.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, Цзя Чжипо заблаговременно приготовил подарки и покинул Особняк Жунго.

— Второй господин ушёл?

Ван Сифэн, вернувшись после утреннего приветствия Цзя Му, с порога обратилась к Пиньэр.

Пиньэр торопливо кивнула:

— Госпожа, и ведь неизвестно, куда Второй господин направился. Никому ни слова не сказал, сам прихватил подарки и ушёл. Судя по выражению его лица перед уходом, он был весьма встревожен.

Ван Сифэн на мгновение замерла. Прошлой ночью у Пиньэр были женские дни, и супруги спали раздельно. Цзя Чжипо, разумеется, поделился с ней своими планами.

— Второй господин отправился в квартал Дунхэ, в переулок Цзиньсин, в резиденцию министра ритуалов, господина Чэнь Мэнлэя.

Пиньэр испуганно ахнула:

— Никогда не слыхала, чтобы министр Чэнь водил знакомство с нашим домом. Насколько мне известно, господин Чэнь всегда служил в Академии Ханьлинь и стоял во главе чистой ученой братии. Зачем Второй господин...

Этот Чэнь Мэнлэй был далеко не простым человеком. Цзиньдидат внеочередных императорских экзаменов семнадцатого года Цзиннин, лично возведённый Императором Шэнцзу в звание ханьлиньского академика. На закате правления Шэнцзу он слыл самым прославленным ученым сановником.

Когда Шэнцзу скончался и на престол взойшёл Верховный Император, Чэнь Мэнлэй, будучи человеком из круга Восточного дворца, вполне естественно оказался в числе приближённых. Покинув Академию Ханьлинь, он перешёл в Министерство ритуалов на должность левого заместителя министра. Ему же было поручено наставничество над нынешним императором, который в те годы носил титул удельного князя Чжунхэ.

В первый год правления Лунчжэн император взойшёл на престол. Чэнь Мэнлэй в качестве императорского наставника получил пост академика Зала Вэньхуа и одновременно возглавил Министерство ритуалов. Иными словами, среди гражданских чиновников Чэнь Мэнлэй занимал едва ли не первейшее место. Но какая связь могла быть между ним и Цзя Чжипо?

В глазах Ван Сифэн тоже мелькнуло нечто странное:

— Тот господин Чэнь ещё до того, как сдал экзамены на учёную степень, установил связи с покойным Жунго. А когда он сдал экзамены на цзиньдидата и попал в Академию Ханьлинь,

именно по рекомендации наших предков из рода Жун император Шэнцзу запомнил его имя.

— А позже господин Чэнь заключил сделку с предками из рода Жун и выдал свою законную дочь замуж за старшего сына прежнего Жунго.

Пиньэр испуганно прикрыла рот рукой:

— Выходит, господин Чэнь тогда приходится...

Ван Сифэн кивнула:

— Именно так. Дедушка Второго господина Ляня по материнской линии.

Пиньэр шумно выдохнула и похлопала себя по груди.

Ван Сифэн закатила глаза:

— Стоит ли так убиваться?

Сама она, услышав об этом вчера вечером, едва рассудка не лишилась, но сейчас уже успела остыть.

Можно было лишь признать, что этот господин Чэнь — человек поистине незаурядный.

Во времена основателей династии, в эру Цзиннин императора Шэнцзу и в эру Юнъань Верховного Императора, Чэнь Мэнлэй среди штатских сановников и Цзя Дайшань среди военачальников сияли ярче всех прочих.

Жаль только, что Цзя Дайшань умер рано и эпоха Юнъань не сохранила преданий о его подвигах.

Пиньэр всё равно не могла взять в толк:

— Но госпожа, почему же все эти годы об этом никто не упоминал?

Любой другой дом, обзаведись он столь высокопоставленной родней, уже давно раструбил бы об этом на весь город.

Ван Сифэн вздохнула:

— Всё из-за выходок Старшего господина. В те годы госпожа Чэнь — что умом, что красотой — разве уступала кому-либо? Если она и вышла замуж, то лишь из уважения господина Чэня к памяти предков рода Жун. Но нрав Старшего господина довёл его тестя до белого каления.

— А когда госпожа Чэнь рожала Второго господина, начались тяжёлые роды, и она скончалась. Говорят, роды были преждевременными, она рассорилась со Старшим господином, что и спровоцировало схватки. Вдобавок скончался предок из рода Жун, господин Чэнь затаил обиду на клан Цзя, да и у клана Цзя не нашлось возможности всё уладить.

— А поскольку Старая госпожа терпеть не может Старшего господина, со временем эта родственная связь и оборвалась.

Пиньэр кивнула, поняв всё лишь наполовину, но сообразила, что поездка её господина вряд ли будет лёгкой.

Переулок Цзиньсин, перед воротами резиденции Чэнь.

Цзя Чжипо стоял, заложив руки за спину, и молча разглядывал парадный вход.

В отличие от особняков Жун и Нин, занимавших едва ли не пол улицы, усадьба Чэнь выглядела не столь роскошно. Но проявить к ней неуважение означало бы подписать себе смертный приговор.

Пройдя через три царствования — Цзиннин, Юньань и Лунчжэн, неизменно пользуясь милостью трёх поколений Сынов Неба и получая щедрые дары по случаю каждого праздника, старый сановник обладал такими основаниями, которые ничуть не уступали усадьбе Жунго, ведущей свой род от самого основания династии.

В эту минуту в Зале Шоуцзин резиденции Чэнь собрались все находившиеся в столице члены клана во главе с Чэнь Мэнлэем и госпожой Чэнь.

Великий Предок нынешней династии вышел из простолюдинов и прекрасно понимал всю важность чиновников, близких к народу. Поэтому он изменил порядки прежней династии, согласно которым в Государственный секретариат не мог попасть никто, кроме выходцев из Академии Ханьлинь,

и установил железное правило: «Кто не служил в уездах и областях, тому нечего делать в Великом секретариате; кто не нёс службу на Девяти рубежах обороны, тому заказан путь в Военный совет».

Даже сам Чэнь Мэнлэй, годами не вылезавший из столицы, перед вступлением в секретариат успел побывать на посту столичного градоначальника Шэньцзина. И то лишь потому, что Верховный Император в виде исключения проявил милость, дабы тот мог учить императорских сыновей.

У Чэнь Мэнлэя было три сына, и каждый — настоящий талант первой руки.

Чэнь Юли — цзиньдидат двадцать шестого года Цзиннин. Послужив несколько лет в Академии Ханьлинь, был отправлен на провинциальную службу в Хубэй, префектуру Цзинчжоу, где шесть лет пробыл префектом. Его успехи по службе были налицо, после чего его перевели обратно в Шэньцзин на должность столичного мэра, на которой он оставался до сих пор.

Чэнь Юдао — цзиньдидат первого года Юнъань, в столице задерживаться не стал, его сразу бросили в Шаньдун, уезд Цзининь, намистником. Проведя больше десяти лет в баталиях на ниве чиновничества в Шаньдуне, ныне он уже занимал пост заместителя главы провинции Шаньдун.

Чэнь Юэнь — саньюань восьмого года Юнъань. Родители состарились, да и сам он предпочитал ученые занятия, не желая примешиваться к чиновной грязи, потому и остался в Гоцзыцзяне в должности доктора классических текстов.

Как раз на эти дни выпало возвращение Чэнь Юдао в столицу для отчёта о службе, и семья наконец собралась вместе. Однако с самого утра всю резиденцию Чэнь переполошила одна-единственная визитная карточка.

В Зале Шоуцзин.

— Отец, прошло уже больше двадцати лет! С тех пор как покойный Жунго пал в бою, клан Цзя вёл себя так, будто никакой родни у нас нет. А этот мерзавец Цзя Шэ и вовсе свёл человека в могилу! За каким чёрта сегодня сюда приплёлся этот Цзя Чжипо?

Чэнь Юли швырнул визитную карточку на стол, переполненный праведным гневом.

Он вспомнил свою младшую сестру, единственную девицу в роду Чэнь. В те годы во всём Цзиньлине кто не знал имени великой талантливой из семьи Чэнь? Если бы не то обстоятельство, что Цзя Дайшань был первым полководцем Великого Чжэн, а Жунго-гун действительно оказал великую услугу клану Чэнь, разве стоил того мерзавец Цзя Шэ, чтобы отдать за него сестру?

И что же в итоге? Сестра прожила в том браке всего несколько лет и скончалась. Этот счёт он помнил отлично.

Чэнь Мэнлэй нахмурился:

— Юли, благородный муж чтит грань между должным и недозволенным. Твоя сестра умерла от тяжелых родов, такова была ее судьба, к клану Цзя это отношения не имеет. Цзя Шэ и впрямь человек скверный, да и после смерти Дайшаня в клане Цзя не появилось толковых людей, но нельзя же приписывать им то, чего они не совершали. Запомнил?

Чэнь Юли поспешно поднялся и склонил голову:

— Да, отец, сын запомнил.

В этот момент снаружи вошёл Чэнь Юэнь, бросил взгляд на старика:

— Отец, Цзя Чжипо прибыл. Что прикажете?

Седые брови Чэнь Мэнлэя шевельнулись, он помолчал немного:

— Пусть войдет. В конце концов, он единственная плоть и кровь Энь'эр, а в карточке чётко написано, что он пришёл навестить деда. Если я даже на порог его не пущу, каково будет душе Энь'эр на небесах?

Его дочь носила имя Чэнь Юянь.

Чэнь Юли обычно жил в собственном доме, Чэнь Юдао находился на месте службы, и лишь Чэнь Юэнь жил вместе со стариками, заботясь об их повседневном быте. Всеми хозяйственными делами в усадьбе ведал именно Чэнь Юэнь.

В ту же минуту за воротами резиденции Чэнь.

Цзя Чжипо стоял, заложив руки за спину, и с вызовом смотрел на дощечку над входом.

Всего два иероглифа, без подписи.

Но он узнал эту руку — личная кисть императора Шэнцзу. Парные дверные надписи у входа в родовое усадебное святилище клана Цзя: «Пусть потомки из рода в род обретают благодать и добродетель, а простой люд по сей день помнит Жун и Нин» — были выведены точно такой же рукой.

— Скрип...

Ворота отворились.

Чэнь Юэнь вышел встречать гостя лично.

Цзя Чжипо являлся наследником титула Особняка Жунго. И пусть ныне за этим особняком числилось лишь пустое звание генерала первого ранга, но среди военных Великого Чжэн старые сподвижники Особняка Жунго встречались на каждом шагу, а их влияние оставалось прежним. Пусть глава клана Чэнь и не вышел встречать гостя лично, но разница была невелика. Беда лишь в том, что сам Особняк Жунго не дорожил своим положением.

Рассуждая с личной точки зрения, Цзя Чжипо приходился старшей дочери рода Чэнь единственным кровным потомком на этом свете. Возвращаясь в материнский дом, он имел полное естественное право рассчитывать на то, что дядя выйдет ему навстречу.

— Третий дядюшка, вы сами вышли к воротам, племянник никак не заслужил такой чести.

Цзя Чжипо, разумеется, явился в резиденцию Чэнь не с пустыми руками. Кто заправляет домашними делами у Чэней, он знал прекрасно. Раз уж он встал здесь, то и притворяться несведущим не собирался.

Чэнь Юэнь окинул его взглядом, отступил в сторону, а голос его звучал так холодно, что от него могли отвалиться сосульки:

— Заслужил или нет, а принимать придётся. Молодой господин Цзя, отец ждёт.

На лице Цзя Чжипо не дрогнул ни один мускул. Окажись он на месте Чэнь Юэня, сам держался бы точно так же. Люди отдали свою единственную дочь в клан Цзя, а через несколько лет её не стало, и следующие двадцать лет клан Цзя и клан Чэнь даже звука не издали друг о друге.

Окажись подобное в его собственной судьбе, он бы давно схватился за тесак и отправился рубить головы.

Не говоря уж о реальном горе — даже сейчас, когда до него самого дело ещё не дошло, стоило ему вспомнить о тех неприятностях с Сунь Шаоцзу, как он терял сон и начинал лихорадочно соображать, как бы заманить Сунь Шаоцзу в ловушку и погубить. А ведь у людей действительно сгубили дочь, целых двадцать лет хранили молчание, и то, что они вообще позволили ему переступить порог, уже было чудом.

Раз уж ворота открылись, Цзя Чжипо уже почитал себя победителем. И эту милость они оказали главным образом из уважения к памяти покойного Жунго-гуна и прежней госпожи Чэнь.

Нынче он пришёл с единственной целью — признать родню.

А все эти ничтожества вроде Цзя Шэ и Цзя Чжэня уставились своими жадными глазами исключительно на клан Ван, оставив такую могущественную опору, как клан Чэнь, пылиться без дела все двадцать лет. Куда только делся их ум?

Потому Цзя Чжипо не произнёс лишних слов. Отправляясь в путь, он нарочито соблюдал скромность и не взял с собой даже слугу. Теперь же он смиренно опустил плечи, храня на лице почтительную улыбку, и последовал за Чэнь Юэнем вглубь усадьбы.

Раз уж удалось войти — считай, половина дела сделана.

— Внук Цзя Чжипо отвешивает земной поклон дедушке и приветствует бабушку.

Едва переступив порог Зала Шоуцзин, Цзя Чжипо опустился на колени. Перед сидевшими на возвышении стариками он исполнил положенный ритуал строго и чинно, без малейшей фальши.

Старуха замерла на месте, долго вглядываясь в его лицо. Мужчины из клана Чэнь ещё кое-как видели Цзя Чжипо раньше, но она видела своего внука повзрослевшим впервые в жизни.

— Энь... ты вылитая Энь'эр.

Губы старухи дрожали, голос срывался.

<http://bllate.org/book/19342/1891420>